

**«ТИМУРОВСКИЙ ЦИКЛ» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
И «СКАЗАНИЕ О ХРОМОМ ТИМУРЕ» Д.-Х. ШАВАЕВА**

Берберов Бурхан Абуюсуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

Тимур (Тамерлан, Хромой Тимур) – историческая личность, которая оставила значительный след в фольклоре и профессиональной литературе многих западноевропейских и восточных народов. Как у всякого диктатора образ его амбивалентен: одни исследователи подчеркивают масштаб его созидательной деятельности, другие – деструктивный характер его завоевательских походов. Составной частью обширного «тимуровского цикла» является лиро-эпическая поэма карачаево-балкарского сказителя XIX века Д.-Х. Шаваяева «Сказание о хромом Тимуре». Здесь также воссоздается противоречивый образ незаурядной личности, прославившейся как подвигами, так и крупномасштабными злодеяниями. Тематическим центром поэмы является вторжение тимуровских войск на территорию Северного Кавказа и разорение многочисленных селений. Художественное мастерство автора проявилось в искусстве сюжетосложения, использовании оригинальных речевых оборотов, красочных сравнений, метафор, эпитетов, гипербол.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, историческое предание, «тимуровский цикл», Шаваяев, поэма, амбивалентный образ, нашествие, уроки истории.

Северокавказская земля издревле была ареной драматических историй, связанных с иноземными нашествиями, оборонительными битвами, героическими подвигами горцев и крупномасштабными народными трагедиями. Особое место в этих «милитаристских анналах» занимает Тимур (Тамерлан, Аксак Тимур), – печально знаменитый средневековый правитель, младший последователь Чингисхана, который почти до основания разорил «Страну Прометея» в 1395 г. Как отмечает кавказовед Х.А. Хизриев, «последствием этих нашествий войн и междоусобиц было резкое сокращение численности местного населения, прежде всего трудового, в результате массового его истребления или увода в плен, насильственной вербовки наиболее здоровой его части в войска завоевателей»¹.

Историками, политологами, социологами достаточно полно изучены исторические страницы, связанные с нашествием Аксак Тимура на территорию Северного Кавказа. Другим ценнейшим источником, знаний об этом периоде является богатейший фольклор, созданный практически всеми северокавказскими народами. В устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев также имеется многожанровый «тимуровский цикл», состоящий из исторических и топонимических преданий, героических песен, песен-плачей (кюй жырла) и т.д. Кстати, как отмечает М.А.-А. Джанкёзова, хронологически «самые ранние песни связаны с событиями нашествия войск Тимура на Северный Кавказ (1395; 1400) и, в частности, на территорию предков карачаево-балкарцев»². Интересное предание о Хромом Тимуре было опубликовано Евг. Барановым в дореволюционном номере журнала «Вокруг света» (1912 г.)³.

В архивном фонде КБИГИ нами обнаружено любопытное предание о Хромом Тимуре. Поскольку текст небольшой по объему, приведем его целиком. «Хромой Тимур жил у реки в Балкарии. Вскоре горы ему надоели. Он не знал, как выбраться из горной теснины. В окрестностях Жалпака позади Зылги он обнаружил выход. Он взобрался на вершину горы. Осмотревшись, увидел широту мира, о которой не догадывался. Ему не нравилась низина и он, оборотившись назад, с вершины прокричал свою мольбу: «О, Аллах, этим людям живущим у реки, никогда не дай бедность, но и богатства никогда не дай». Как отмечает сказитель Бисолтан Жилкибаев, поведавший это сказание 27 июня 1972 г., «с тех пор среди жителей Балкарии нет ни богатых, ни бедных»⁴.

Благодаря усилиям карачаево-балкарских фольклористов, в особенности Х.Х. Малкондуева, на сегодняшний день накоплен ценный в научном и художественном отношении материал, проливающий свет на исторические события, связанные с нашествием Тимура и силой народного сопротивления. Особый интерес представляют этноландшафтные, орографические исследования Х.Х. Малкондуева, который шаг за шагом воссоздавал траекторию передвижения Хромого Тимура по Центральному Кавказу через топонимические названия местностей, скал, камней, урочищ⁵. В этой связи вспоминаются строки из стихотворения Кайсына Кулиева «Камень»:

Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в преизбытке,
Что столетия в нем свой язык обрели.
Это скорби и стойкости твердые свитки!

Вот надгробья, вот мельничные жернова,
Башни... Память о войнах, набеггах, обвалах.
Выразительны камни, как будто слова.
Заливала их кровь, лунный свет заливал их.

Это плач матерей и томленья подруг,
Боль поэта и мысль мудреца-чародея
И умельца движения чуткие рук,
Дух борца... Я читаю их, сам камня!»⁶.

Сходные мысли обнаруживаются в «Запеве» к роману ингушского писателя XX века И.М. Базоркина «Из тьмы веков»:

Всегда живой и сильный,
ни тленью, ни сраженьям не подвластный
язык-мудрец народа моего.
В нем память прошлых дней и песни соловья.
В нем сохранился миф про Тейшабайне,
сказ про Батыя – внука Чингис-хана –
и про сражения с Тимуром Хромым,
мир покорившим, но не эти горы!»⁷.

В одном только Чегемском ущелье Х.Х. Малкондуев обнаружил около двух десятков топонимов, происхождение которых связано с именем среднеазиатского завоевателя. Среди этих «каменных» свидетельств – Акьсакь Темирни ташы (Камень Хромого Темира), Акьсакь-Темирни-Атла кьошу (Стан лошадей Хромого Темира), Акьсакь-Темирни Тохтаучу-жеру (Стоянка Хромого Темира, Акьсакь-Темирни-Бодуркьусу (Застава Хромого Темира) и др.⁸. В приведенных нами топонимах напрямую упоминается имя «кровожадного властелина Вселенной».

Но есть и другие, «сюжетные топонимы», которые в свернутой форме содержат в себе трагические протестные антивоенные истории. Один из таких топонимов –

«Къызла-Кюйген-Къая (Скала Сгоревших Девушек). Согласно народному преданию, при приближении полчищ Тамерлана на подступах к Чегемскому ущелью местным населением была выставлена мощная оборонительная сила. Однако она была прорвана противником, который двинулся вверх к склонам гор. В этот момент четыре дочери-красавицы князя Дюгербия поднялись на высокий выступ, подожгли себя и горящими живыми факелами сбросились вниз. В народной памяти сохранилась трогательная песня-плач, посвященная этому трагическому событию. В ней воспевается образ горянки, для которой девичья честь, свобода и любовь к родной земле превыше жизни.

Заметный вклад в исследование «тимуровского цикла» внес известный фольклорист и литературовед А.М. Теппеев, который в 1972 г. вдоль и поперек прошел всю Верхнюю Балкарию, где сохранились «следы» кровавого завоевателя. Ученому удалось записать со слов сказителей двенадцать народных песен, тематически связанных со злодеяниями Тамерлана: «Къара боран» («Черный буран»), «Эгизле анасыны сарыны» («Плач матери близнецов»), «Аналагъа бугъоу сынжыр салалла» («Матерей заковывают в кандалы»), «Жарлы Астемир» («Бедный Астемир»), «Эгечи къарындашына этген кюй» («Плач сестры по умершему брату»), «Къазауатда ёлген эрине къатыны этген кюй» («Плач вдовы по погибшему на войне мужу»), «Дюгербий» («Дюгербий») ⁹ и др. Все они представляют собой бесценный источник «для изучения основ народной педагогики и психологии, тесно связанных со всем укладом жизнеустройства балкарцев и карачаевцев в трагический период народной истории» ¹⁰.

С опорой на многочисленные предания карачаево-балкарский автор Дауд-Хаджи Шаваев (Абайханов) (1800–1892) написал достаточно объемную лиро-эпическую поэму «Сказание о Хромом Тимуре», состоящую из 124 строф. Во вводной части автор вкратце знакомит читателя с творческой историей произведения, признаваясь, что «с детских лет слышал множество правдивых рассказов о древнем герое, имя которого до сих пор на слуху у всех в Балкарии, Чегеме, Холаме, Баксане, Карачае, Багдаде, Персии, Стамбуле, Крыме» ¹¹.

Далее автор повествует о рождении и детских годах одиозного завоевателя, несколько романтизируя его образ и используя для характеристики множество гиперболических формул, типичных для героического эпоса. По преданиям, Тимур родился в среде скотоводов-кочевников. Эта деталь значима, если учесть теорию Г.Д. Гачева о «космо-психо-логосе», согласно которой формирование судьбы и ментальности отдельной личности или этноса проходит в соответствии с окружающей его «прародиной», эколандшафтом, средой обитания ¹². Так, по Шаваеву, в оттачивании совершенных психо-физических качеств Тимура активное участие принимает животный мир. Мальчику, едва научившемуся ходить по земле, доверяли стада овец, коров, табуны лошадей. Забавляясь, малыш, хватал жеребца за хвост, гонял его до изнеможения и затем взлетал вверх и опускался на его спину. Завидев горного тура, он гнался за ним на бешеной скорости, настигал и молниеносно накидывал на шею жертвы аркан. Меткость стрелка Тимур оттачивал стрельбой из лука по печени степного орла:

Окъ ётюп бауурундан,
Тохтатыучед учханьн.

Стрелу вонзая в печень,
Он останавливал летящего ¹³.

(Подстр. пер. автора статьи)

Заяц – еще один чрезвычайно интересный и инвариантный зооморфный образ, который встречается в «тимуровских преданиях» различных евразийских народов, и содержит глубоко философское и по-своему гуманистическое объяснение

хромоты в равной степени великого и зловещего полководца. В наиболее полной форме «заячий сюжет» приводится в чечено-ингушском предании «Хромой Тимур». Приведем этот примечательный отрывок: «Когда Тимур был еще маленьким, у его отца было много овец. Однажды Тимур пас их и заметил, что среди овец бегают зайцы. Завидя Тимура, заяц побежал. Тимур бросился за ним, поймал его и пустил среди овец. Тот опять убежал. Тимур и во второй раз поймал зайца. Так в течение дня Тимур ловил его много раз, приносил и пускал его в отару. Вечером вместе с овцами Тимур пустил зайца в загон. Придя домой, он сказал отцу:

– Среди наших овец бегают один барашек. Я не видел никого быстрее него; целый день я гонялся за ним и сильно устал. Надо бы прирезать его.

Выпуская утром овец, отец Тимура сказал:

– Покажи-ка мне этого барашка.

– Вот он, – показал Тимур отцу зайца и отпустил его.

– Поймай тогда, – сказал отец.

Тимур поймал зайца и подал отцу. Отец тотчас же зарезал зайца. После этого отец поломал Тимуру бедро и при этом сказал:

– Если тебя оставить невредимым, ты разоришь все страны.

С тех пор Тимур стал хромым»¹⁴.

Чечено-ингушский вариант примечателен и интересен своим притчевым содержанием и ярко выраженной поучительной антивоенной направленностью.

Большое место в поэме Д.-Х. Шаваева (Абайханова) занимают батальные сцены, характеристика воинского искусства предводителя «степной армии» и его конной кавалерии. Автор отмечает феноменальное взаимопонимание «людей и коней», слаженность их действий, способность выдерживать многодневные марш-броски через горы и степи из одной страны в другую. Поется настоящая ода боевым лошадям, которые сравниваются с горными турами, для них не являются преградой к намеченной цели ни холод, ни зной, ни ледники, ни пропасти. Прославляется сам военачальник, единое слово которого мгновенно выстраивает в ровную шеренгу многотысячную армию. Нередко Д.-Х. Шаваев обращается к орнитогенным образам, поэтизируя военное снаряжение, амуницию, оружие:

Къауум аскер тизилип,
Садакъларын атсала,
Учхан окъла ушайла,
Кёкде минг къанкъазлагъа.

Если воины выстроятся
И выпустят стрелы,
То летящие стрелы
Похожи на тысячу лебедей¹⁵.

(Подстр. пер. автора статьи)

Верный исторической правде, Д.-Х. Шаваев, наряду с достоинствами, отмечает и «другую сторону медали», а именно, жестокость Тимура, его бесчеловечность и страсть к карательным методам достижения дисциплины и абсолютного повиновения. В отдельных случаях автор с натуралистическими подробностями описывает изощренные формы наказания сопротивленцев.

Одним из впечатляющих эпизодов является рассказ об ополченцах Персии, которые заполнили подступы к своей стране тысячами младенцев для того, чтобы надвигающаяся орда Тимура смилостивилась, остановилась, образумилась и отказалась от своего захватнического плана. Однако ставка на милосердие не возымела успеха, конница прошла по телам новорожденных и Персия пала под натиском хромого Тимура¹⁶.

Вторая часть поэмы «Предание о Тимуре» посвящается «кавказским страницам» военно-политической биографии восточного диктатора, который, по словам

Д.-Х. Шаваева, был одержим идеей расширить границы своих владений до Главного Кавказского хребта, до Эльбруса. Карачаево-балкарский автор мастерски использует художественную ойконимию для того, чтобы наглядно проиллюстрировать планетарный размах территориальных притязаний Тимура. Здесь упоминаются десятки географических названий стран, рек, городов, гор – Бухара, Турция, Иран, Аравия, Идил (Волга), Персия, Шам (Дамаск), Индия, Ногайская Степь, Багдад, Крым, Стамбул, Бештау, Маджария, Дигория, Беш Тамак, Верхняя Балкария, Холам, Черек, Баксан, Ётмюш Кол и др.

Калейдоскопическое мелькание всех этих многочисленных больших и маленьких «стоянок» диктатора придают художественному тексту эффект скоростного движения кочевников во главе со своим предводителем по евразийскому континенту. Характеризуя мировоззрение кочевых народов, Г.Д. Гачев отмечает: «Это – народы-ферменты, движущиеся в порах истории. Они – орган и орудие развития, исторического движения. Но сами почти не развиваются именно потому, что их движение уходит в пространство (смена мест), а не во время (смена обществ на одной земле).

Отсюда уже априори можно сделать важное предположение о мировоззрении кочевых народов: понятие пространства у них должно превалировать над понятием времени (у земледельцев, очевидно, – наоборот)»¹⁷.

С большой долей художественной идеализации Д.-Х. Шаваев изображает народ «таулу», живущий мирным трудом (разводят скот, выращивают злаки, воспитывают богатырей). На призыв Хромого Тимура сразу сдаться горсточка самонадеянных горцев отказывается без раздумий и вступает в неравный бой с многотысячной ордой профессиональных воинов, экипированных до зубов. Защитников своей родной земли автор сравнивает с нартами, а агрессоров называет «бешеными псами» (кьутургъан итле), «убийцами» (къанлы), «проклятыми» (налат).

Картина после погрома напоминает апокалипсис, в художественном решении которого доминируют два цвета: красный и черный. Пролитой крови было столь много, что горы Балкарии после побоища еще несколько лет были пропитаны «запахом крови», на равнины с гор текли «реки крови», из камней «сочилась кровь». Вместе с выжившим чудом скорбят горы, ледники, животные. Доминанта символики красного цвета в финале поэмы дополняется образом огромной тучи из «черных воронов», привлеченных в горный край запахом крови.

Завершается поэма риторическим вопросом автора, обращенным к жестокому завоевателю:

Къабырына не алды ол,
Бу жарыкъ, бу дуниядан?

Что он забрал с собой в могилу,
Из этого светлого, из этого мира?¹⁸.

(Подстр. пер. автора статьи)

В этих двух строчках в свернутом виде содержится важнейший вопрос нравственного выбора каждого человека и каждого народа. Жизнь полна фатальных моментов, когда надо решить экзистенциальную дилемму, выбирая славу или смирение, свободу или рабство, честь или бесчестие. С этой точки зрения другому оценивается решение горсточки горцев, которые рабской жизни под пятой захватчиков предпочли смерть за родину в честном бою. Другими словами, в этической системе горцев всегда присутствовали абсолюты, которые определяли стержень личностного и этнического бытия. По произведениям о Хромом Тимуре «сегодня можно не только восстановить конкретику событий, но и сделать выводы о психологических особенностях народа, его моральной и духовной силе»¹⁹.

В этом высший смысл «тимуровского цикла» легенд и преданий, а также проанализированного лиро-эпического произведения выдающегося автора поэтического

слова XIX века Д.Х. Шаваева, поскольку каждый из этих фольклорных текстов является ценнейшим источником знаний об истории, культуре и менталитете северокавказских горцев.

Примечания

1. *Хизриев Х.А.* Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // Вопросы истории. № 4. 1982. С. 45–54.
2. *Джанкёзова М.А.-А.* Историко-национальный контекст в карачаево-балкарском фольклоре // Гуманитарная мысль Северного Кавказа в общероссийском научном пространстве. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 15–17 ноября 2012 года. Черкесск: КЧИГИ, 2014. Ч. 2. С. 79–83.
3. *Баранов Евг.* Темир Аксак // Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX века. Нальчик: Эльбрус, 2016. С. 296–304.
4. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. Папка 11. Паспорт 3. Записала Кучмезова М.Ч.
5. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира на Центральное Предкавказье. Мотивы // Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: КБИГИ; ООО «Печатный двор», 2015. С. 46–79. 312 с.; *Он же.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира // V международная фольклорная конференция национальной АН Азербайджана. Баку, 2007. С. 676–679; *Он же.* Неисследованные фольклорные материалы об Аксак Темире // Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2015. № 1. С. 91–99.
6. *Кулиев К.Ш.* Камень // Собрание сочинений. Т. II. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1977. С. 49–50. 542 с.
7. *Базоркин И.М.* Из тьмы веков. Роман. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. С. 4. 576 с.
8. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира на Центральное Предкавказье. Мотивы // Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: КБИГИ; ООО «Печатный двор», 2015. С. 46–79. 312 с.
9. *Тепеев А.М.* Эпоха Хромого Темира – в балкарских песнях // Газета «Заман». 2008 г. 26–27 августа.
10. *Берберов Б.А.* Ребенок и репрессия: карачаево-балкарский детский фольклор о депортации // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. Карачаевск: КЧГУ, 2003. С. 111–113.
11. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 115.
12. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
13. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 117.
14. *Хромой Тимур* // Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Составители: И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. С. 362–365. 528 с.
15. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 116.
16. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 121.
17. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 256. 544 с.
18. *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2-х частях. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. Ч. II. С. 124.
19. *Берберов Б.А.* Художественные особенности выселенческого фольклора карачаевцев и балкарцев // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2004. 3 (9). С. 18–21.

**«TIMUR'S CYCLE» IN THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE
AND «THE LEGEND OF TIMUR THE LAME» BY D.-KH. SHAVAEV**

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of philology, Lead researcher, Head of Sector of Karachay-Balkar folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

Timur (Tamerlane, Timur the Lame) is a historical figure, who left a significant trail in the folklore and professional literature of many Western European and Eastern peoples. As any dictator, his character is ambivalent: some researchers emphasize the scale of his creative activity, others – the destructive nature of his conquering campaigns. An integral part of the extensive «Timur's cycle» is the lyrico-epic poem «The Legend of Timur the Lame» of the Karachay-Balkar narrator of the XIX century D.-Kh. Shavayev. Here is also re-created the controversial character of an extraordinary personality, who became famous both for his exploits and large-scale atrocities. The thematic center of the poem is the invasion of the Timur's troops on the territory of the North Caucasus and the ruin of numerous villages. The artistic skill of the author was reflected in the art of plot structure, the use of original figure speeches, colorful comparisons, metaphors, epithets, hyperboles.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, historical legend, «Timur's cycle», Shavaev, poem, ambivalent character, invasion, history lessons.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-97-103